

Эссеистика, критика, рецензии

Интервью с Вадимом Месяцем Беседу вёл Борис Кутенков

В издательстве «Квилл Пресс» вышел сборник поэта, издателя, культуртрегера Вадима Месяца «Уайнхаус», состоящий в основном из верлибров. Это событие стало для нас поводом поговорить о нарративной структуре стиха и особенностях прямоговорения в лирике, о композиции сборника и массовом читателе. И, конечно, о новых именах в литературе и планах издательства «Русский Гулливер» – взгляд нашего сегодняшнего собеседника на поэтический процесс всегда интересен, так как его издательская активность не снижается даже в трудные времена, а любовь к поэзии остаётся неизменной.

Б. К. – «Здесь я впервые заговорил с читателем напрямую, избегая камуфляжа “лирического героя”», – говорите Вы в аннотации. Что привело к такому решению? Нынешнее время, располагающее к прямоговорению, а не к плетению кружев? Или скорее то, о чём писал Дмитрий Воденников в предисловии к своему «Воденникову в прозе», – об усталости от лирики, мимо которой многое «проваливается» (в силу неизбежной условности самого жанра поэзии)?

В. М. – Сказанное мной в аннотации – отчасти оборот речи. Совсем уж напрямую заговорить ни с кем нельзя. «Я скажу тебе с последней прямой» – в поэзии вещь недостижимая. Иначе поэзия не будет поэзией. Поэтический текст устроен так, что он расширяет твой опыт. В «Уайнхаус» прямоговорение доминирует. Иногда это прямая речь, иногда какие-то схваченные моменты существования, которые для меня важны. Иногда реализм мешается с сюрмом. Усталости от лирики нет. Она становится другой, приобретает другие формы. Время располагает к лаконичности и точности формулировок.

– Это относится и к поэзии, и к прозе?

– Да. И там, и там метафизика, психологизм, метафоричность кажутся «плетением кружев». Джойс, Платонов, Шолохов – вы реально можете это сейчас читать? Когда-то я делал это с удовольствием. Теперь не могу пробиться сквозь нагромождения избыточности. Я лучше воспринимаю подтянутую фактуру, чуть ли не каркас. Современную актуальную поэзию по этой причине практически не читаю. Обычно это тексты, не годящиеся ни для прозы, ни для поэзии. «Многобукав» – неуважение к тому,

кто тебя читает. В моем случае говорить, что я делаю что-то впервые, не совсем верно. Написано слишком много, и то или иное, чем я занимаюсь сейчас, я уже делал. Но я действительно в этой книжке делал акцент на своей реальной биографии, на отношениях с детьми, друзьями и т.п.

– В чём вообще специфика поэтического нарратива? Для рассказывания личной истории не более ли пригодны эпистолярный, публицистический, прозаический жанр? Как удаётся находить баланс между нарративностью, сюжетным уровнем (специфически значимым скорее для прозы), и лирикой, которая поднимается над любой историей?

– В книжке есть несколько стихотворений, из которых легко можно было сделать рассказы. «Побег», «День рождения», «Хаски», «Психоз» и т.п. Если есть возможность написать историю верлибром, то, по-моему, лучше писать ее верлибром. Я уже говорил, что краткость приветствуется. У меня есть материал на роман про бывшую супругу. Мелодрама, мыльная опера. Если мыльные оперы бывают брутальными. По многим причинам в виде романа писать ее я не захотел, и делаю сейчас что-то вроде романа в стихах. Главы книги становятся короче, и все. К тому же прошлое всегда дискретно. Вспышки. Есть специфические вещи, которые можно сделать только поэзией. Лирический материал, другое вещество. Одна крайность – Пауль Целан. Другая – Буковски. То есть стихи в сборнике разной природы, да. Но так интереснее. В общем то, поэзия – это то, что нельзя переписать прозой. Этого определения никто не отменял.

– Большинство текстов в книге – верлибры, если не все. В свободном стихе легче выйти к прямоговорию? Что можете сказать его противникам?

– Это бессмысленные споры. Современное состояние русского языка позволяет писать в рифму, и без. Это дает простор для маневра. То, как писать, зависит от поставленных задач. У меня бывают периоды, когда силлаботоника надоедает и я пишу напрямую. Здесь самое главное не сказать лишнего. Должны оставаться недомолвки, зияния. На них иногда все и держится. Это редакторская работа, по существу. В поэзии надо резать текст больше, чем в прозе. Верлибры для меня в первую очередь стилистические проекты. Доверительности можно достичь и в традиционном стихе. Вообще, менять манеру письма полезно. Это сбивает с толку критиков, но на выходе все написанное выстраивается как надо и более-менее классифицируется. Писатели и поэты обычно поль-

зуются одной манерой письма. У меня почему-то их больше, но не больше, чем пальцев на руках. Антропный принцип. Себя не перепрыгнешь.

– *Расскажите о композиции книги. Для Вас это всегда сознательное выстраивание? Или что-то подобное самому процессу сочинения стихотворения, то есть более интуитивное, и связь, замысел понимаются постфактум?*

– В смысле композиции хорошо различать книгу стихов и сборник. Книга – это нечто более цельное, внимательно составленное, изобилующее внутренними и внешними связями. У меня такими книгами были «Календарь вспоминальщика», «Час приземления птиц», «Мифы о Хельвиге», «Стихи 14-го года», «500 сонетов к Леруа Мерлен». Последняя книжка – сборник хотя бы потому, что в нем представлено несколько манер письма. Вот так можно, вот так. Верлибров у меня много, набралось бы на внушительный том. Но меня не устроил такой сборник чисто ритмически. Много стихов коротких. Такие кубики. И если их ставить в ряд, становится скучно читать. По мне, лучше перемежать такие стихи с рифмованными. «Уайнхаус» я составлял долго. Наглядные примеры искал, что ли.

– *Вы говорите о своём лирическом герое: «потому что с упорством дурака верил в будущее, / навсегда оставаясь в прошлом». Вроде бы «вера в будущее» – что-то однозначно положительное, но «упорство дурака» иронически снижает этот контекст, а «навсегда оставаясь в прошлом» звучит и вовсе как укоризна самому себе. Как удержаться на этом распутье? Или я не прав – и тут вовсе нет противоречия?*

– Нормальное отношение к жизни возникает, когда ты полностью утрачиваешь иллюзии и надежды. Только тогда, по-моему, можно спокойно делать свое дело. Другое дело темперамент (это и есть «упорство дурака») – он от природы. Живой организм всегда верит в какое-то будущее, в силу того, что он живой. Я нахожусь в прошлом, хотя бы потому, что, начиная с подросткового возраста, пишу внутри себя бесконечный текст (сознание почти не изменилось), и текст этот логически тянется в завтрашний день. Жизнь и литература во мне не то что уживаются, они как бы одно целое. Так что никаких противоречий нет.

– *«В ней брезжит импульс толпы, / животное знание, где дворовая честь / превращается в коллективную справедливость / Стихия рождает опыт. / И обретает речь», – пишете Вы. Это довольно неужи-*

данные строки. Справедливость бывает «коллективной»? В импульсе толпы Вы видите стремление к справедливости, а не «распни Христа»?

– Справедливость может достигаться на уровне пятилетнего ребенка и народа в целом. То же самое касается всех остальных чувств. Любви, ненависти. Это не абстракции. Просто на уровне толпы они более размазаны. Но «коллективное бессознательное» и «сознательное» очевидно есть. И это не просто сумма слагаемых чаяний каждого индивида. Гештальт, который больше суммы или, наоборот, стихии. Это не хорошо и не плохо. Это факт. Толпа может распять Христа, может поднять восстание против иноземных захватчиков. «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гамме... Сверяли пульс толпы и верили толпе». Когда твоя речь востребована публикой или попадает в какие-то словесные ряды, воспринимаемые ей как анонимно народные, это высший пилотаж. Я сейчас говорю о народной песне. Мне кажется, несколько раз удалось попасть в эту волну. Ну а так, контрапункт «поэт и чернь» сохраняется, да. Я его не чувствую последнее время, но он исчезнуть не мог. В этом стихотворении речь о нацболке, с которой я когда-то дружил, отсылка к скандальной песне Игги Пуппа. Давно это было. Не исключено, что в стихотворении я цитирую эту даму.

– А что касается адресатов книги? В одном интервью на вопрос о читателе Вы ответили: «Я точно пишу не для своих ровесников. Знаете, самое главное, что со мной произошло, – это когда мой сын, который иронично относился к моему творчеству, начал меня читать». Это относится к вышедшему сборнику? Кто её реципиенты – тоже в основном люди, которые младше Вас?

– В тот момент я радовался, что дети начали меня читать. Сейчас мы с сыном сочиняем песни, он – музыку, я – тексты. Выступаем вместе. Помню, на каком-то семинаре сказал, что пишу так, чтобы меня понимали и живые, и мертвые. Образ, конечно. Но доля истины в этом есть. Проблемы поколений не вижу. Цельности сознания можно достичь в любом возрасте. Даже в условиях карнавальной цивилизации, в которой мы сейчас пребываем. Еще хороший ответ – пишу для животных. Они не отягощены культурными предрассудками. Кот Чарли меня слушает внимательно. Одна лошадь недавно, при чтении моих стихов, стыдливо опустила глаза. Когда я читаю стихи, птицы и бабочки садятся мне на голову. Это лучший отклик природы. «Каждый стих мой душу зверя лечит», говорил Есенин. А он знал в этом толк.

– Продолжим о читателях. «Главный комплимент / своей жизни / я получил от давно погибшего друга, / когда нам было лет по двадцать: / все равно кто твой отец, / сказал он, / мерзко, что тебе / все слишком легко дается, / ведь тебе будет нормально / хоть в тюрьме, хоть в Афгане: / придешь... подружишься... / и тебя все любят...», – пишете Вы. Ваш опыт подтверждает эти слова? Вам действительно «всё легко даётся» в смысле коммуникации? И как обстоят дела в этом смысле в поэтическом процессе, в Ваших взаимоотношениях с ним?

– В общих чертах да. Легкость не исчезла, хотя стал менее доверчив, что ли. От массового поэтического процесса я лет десять назад отключился, потерял интерес. Сосуществую с ним параллельно. Авторы, присылающих в «Русский Гулливер» свои тексты, читаю. Если нравится, публикую. Несколько раз организовывал премии. За последней – молодежной «Цикадой» – наблюдал издаleine, не вмешивался. Меня и раньше не интересовали тенденции и тренды. «Русский Гулливер» – содружество одиночек. Вот на одиночек, способных идти против течения, я всегда и ставил. И общий язык находил. По счастливому стечению обстоятельств, я от «армии поэтов» не завишу. Надо использовать это преимущество. Написать и издать нечто независимое от общего культурного потока.

– А кого можете выделить из молодых одиночек?

– Я бы назвал Василия Карасева из Риги. Эзра Паунд нашего времени. Талантливый, эрудированный, умный. Отлично ориентируется в русской поэзии, европейской, американской. Мы издавали его сборник, названный «Три книги». В моем положении молодые – это категория от 15 до 45 лет. Широкий диапазон. Хороших поэтов много. Не буду никого особо отмечать, чтоб не обижать других. Мы печатаем в том числе книги молодых поэтов – их я очевидно выделяю из прочих. Могу сказать, что дружу с поэтическим порталом «Флаги».

Тут ведь еще такая история. Изменение «культурного кода» наша поэзия получила в начале 20 века (Мандельштам, Хлебников, Маяковский, Пастернак). После этого внушительного толка мы до сих пор продолжаем двигаться по инерции. Советская поэзия, поэзия девяностых, десятые годы, современное положение вещей – продолжение этого зачина. И, скажем, в моем поколении, как и в поколении Андрея Таврова, хэдлайнеры не очевидны. Пиар, референтные группы, тусовка выбрали кого-то и канонизировали, но это не окончательный вердикт.

– *Выбор этот до сих пор непредсказуем?*

– Именно так – настолько быстро меняются запросы общества, и общество само меняется, бросаясь из одной крайности в другую. В этой ситуации то, что слависты на всю катушку изучают Пригова, в России ничего не значит. Нонсенс. Экспертов уровня Шкловского или Гаспарова, которые «слышали» поэзию, нет. А весь этот «структурализм», выдаваемый за науку, художественная самодеятельность, не более того.

– *Как в этих обстоятельствах живёт издательство «Русский Гулливер»? Что вышло недавно? Что планируете издавать?*

– Главное событие сезона – появление первого тома четырехтомного собрания стихотворений Андрея Таврова «Ипподромы». «Пьеро одинаковые», роман – удивительно удачная стилизация под Серебряный век автора из Тарту Татьяны Сигаловой. «Сказка о буфетерах» Михаила Богатова, профессора философии Саратовского университета. Поэтические сборники Виктора Ляпина, Марии Суворовой и других. На очереди сейчас антология «Шесть русских поэтов» – давний мой проект. «Современная драматургия по версии «Русского Гулливера», и «Легенда о Русском Гулливере» – обширный отчет о наших акциях, манифестах, перформансах. Сейчас мы готовим книгу Олега Асиновского «О бесе в царстве небесном». Он явно вышел на какой-то новый уровень. Стихи его стали глубже и человечнее. Неожиданная работа как с архаикой, так и с авангардом.

Итоговые такие книги. Времена изменились. Надо присмотреться к сделанному ранее.

Примечание:

Борис Кутенков – поэт, литературный критик, культуртрегер, обозреватель, редактор отдела науки и культуры «Учительской газеты», соредaktor журнала «Формаслов». Родился и живет в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2011), учился в аспирантуре. Критические статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и мн. др., а стихи – в «Волге», «Урале», «Интерпоэзии» и мн. др.

Колумнист портала «Год литературы». Один из организаторов литературных чтений «Они ушли. Они остались», посвященных рано ушедшим поэтам XX и начала XXI века. Организатор литературно-критического проекта «Полет разборов», посвященного современной поэзии и ежемесячно проходящего на московских площадках.